

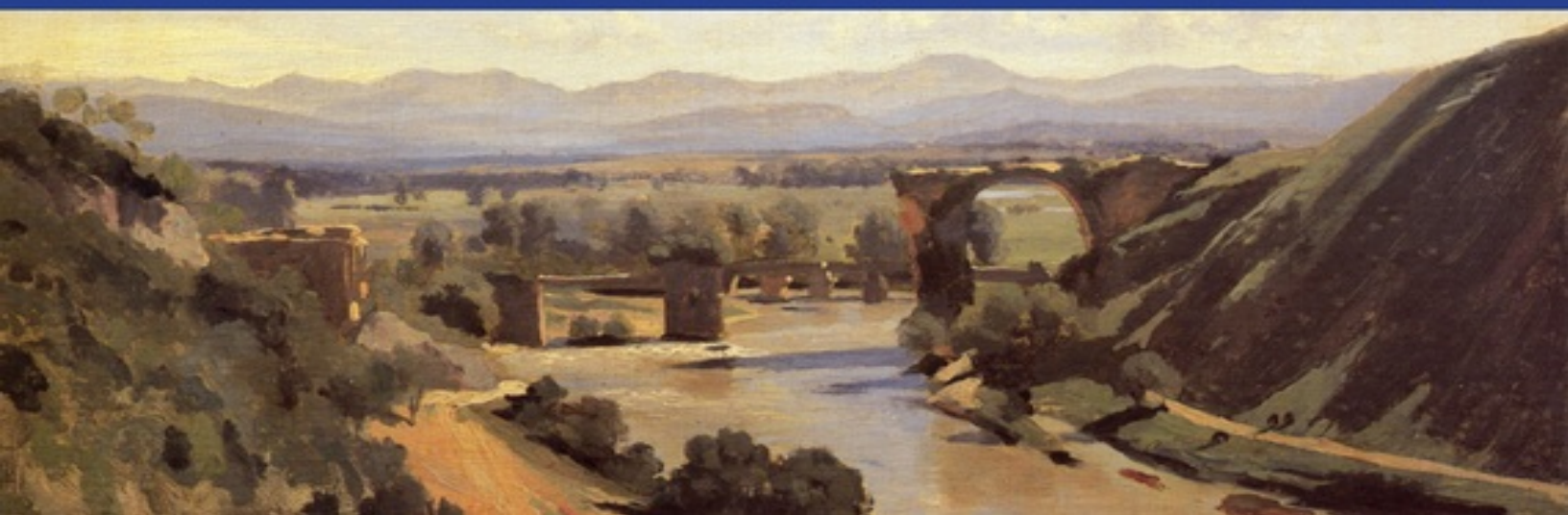
Проспер Мери́ме

Матео Фальконе

Перевод с французского
Елены Лопыревой

ФТМ

Annotation

«Если пойти на северо-запад от Порто-Веккьо в глубь острова, то местность начнет довольно круто подниматься, и после трехчасовой ходьбы по извилистым тропкам, загроможденным большими обломками скал и кое-где пересеченным оврагами, выйдешь к обширным зарослям маки. Маки – родина корсиканских пастухов и всех, кто не в ладах с правосудием. Надо сказать, что корсиканский земледелец, не желая брать на себя труд унавоживать свое поле, выжигает часть леса: не его забота, если огонь распространится дальше, чем это нужно; что бы там ни было, он уверен, что получит хороший урожай на земле, удобренной золой сожженных деревьев...»

- [Проспер Мериме](#)

-

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
-

Проспер Мериме Маттео Фальконе

Если пойти на северо-запад от Порто-Веккьо^[1] в глубь острова, то местность начнет довольно круто подниматься, и после трехчасовой ходьбы по извилистым тропкам, загроможденным большими обломками скал и кое-где пересеченным оврагами, выйдешь к обширным зарослям *маки*. *Маки* – родина корсиканских пастухов и всех, кто не в ладах с правосудием. Надо сказать, что корсиканский земледелец, не желая брать на себя труд унавоживать свое поле, выжигает часть леса: не его забота, если огонь распространится дальше, чем это нужно; что бы там ни было, он уверен, что получит хороший урожай на земле, удобренной золой сожженных деревьев. После того как колосья собраны (солому оставляют, так как ее трудно убирать), корни деревьев, оставшиеся в земле нетронутыми, пускают на следующую весну частые побеги; через несколько лет они достигают высоты в семь-восемь футов. Вот эта-то густая поросль и называется *маки*. Она состоит из самых разнообразных деревьев и кустарников, перепутанных как попало. Только с топором в руке человек может проложить в них путь; а бывают *маки* такие густые и непроходимые, что даже муфлонь^[2] не могут пробраться сквозь них.

Если вы убили человека, бегите в *маки* Порто-Веккьо, и вы проживете там в безопасности, имея при себе доброе ружье, порох и пули; не забудьте прихватить с собой коричневый плащ с капюшоном^[3] – он заменит вам и одеяло, и подстилку. Пастухи дадут вам молока, сыра и каштанов, и вам нечего бояться правосудия или родственников убитого, если только не появится необходимость спуститься в город, чтобы пополнить запасы пороха.

Когда в 18... году я посетил Корсику,^[4] дом Маттео Фальконе находился в полумиле от этого *маки*. Маттео Фальконе был довольно богатый человек по тамошним местам; он жил честно, то есть ничего не делая, на доходы от своих многочисленных стад, которые пастухи-кочевники пасли в горах, перегоняя с места на место. Когда я увидел его два года спустя после того происшествия, о котором я намереваюсь рассказать, ему нельзя было дать более пятидесяти лет. Представьте себе человека небольшого роста, но крепкого, с вьющимися черными как смоль волосами, орлиным носом, тонкими губами, большими живыми глазами и

лицом цвета невыделанной кожи. Меткость, с которой он стрелял из ружья, была необычной даже для этого края, где столько хороших стрелков. Маттео, например, никогда не стрелял в муфлона дробью, но на расстоянии ста двадцати шагов убивал его наповал выстрелом в голову или в лопатку – по своему выбору. Ночью он владел оружием так же свободно, как и днем. Мне рассказывали о таком примере его ловкости, который мог бы показаться неправдоподобным тому, кто не бывал на Корсике. В восьмидесяти шагах от него ставили зажженную свечу за листом прозрачной бумаги величиной с тарелку. Он прицеливался, затем свечу тушили, и спустя минуту в полной темноте он стрелял и три раза из четырех пробивал бумагу.

Такое необыкновенно высокое искусство доставило Маттео Фальконе большую известность. Его считали таким же хорошим другом, как и опасным врагом; впрочем, услужливый для друзей и щедрый к бедным, он жил в мире со всеми в округе Порто-Веккьо. Но о нем рассказывали, что в Кортэ, откуда он взял себе жену, он жестоко расправился с соперником, который слыл за человека опасного, как на войне, так и в любви; по крайней мере Маттео приписывали выстрел из ружья, который настиг соперника в ту минуту, когда тот брился перед зеркальцем, висевшим у окна. Когда эту историю замяли, Маттео женился. Его жена Джузеппа родила ему сначала трех дочерей (что приводило его в ярость) и наконец сына, которому он дал имя Фортунато,^[5] – надежду семьи и продолжателя рода. Дочери были удачно выданы замуж: в случае чего отец мог рассчитывать на кинжалы и карабины зятьев. Сыну исполнилось только десять лет, но он подавал уже большие надежды.

Однажды ранним осенним утром Маттео с женой отправились в *маки* поглядеть на свои стада, которые паслись на прогалине. Маленький Фортунато хотел идти с ними, но пастбище было слишком далеко, кому-нибудь надо было остаться стеречь дом, и отец не взял его с собой. Из дальнейшего будет видно, как ему пришлось в том раскаяться.

Прошло уже несколько часов, как они ушли; маленький Фортунато спокойно лежал на самом солнцепеке и, глядя на голубые горы, думал, что в будущее воскресенье он пойдет обедать в город к своему дяде *caporale*,^[6] как вдруг его размышления были прерваны ружейным выстрелом. Он вскочил и повернулся в сторону равнины, откуда донесся этот звук. Снова через неравные промежутки времени слышались выстрелы, все ближе и ближе; наконец на тропинке, ведущей от равнины к дому Маттео, показался человек, покрытый лохмотьями, обросший бородой, в остроконечной

шапке, какие носят горцы. Он с трудом передвигал ноги, опираясь на ружье. Его только что ранили в бедро.

Это был бандит,^[7] который, отправившись ночью в город за порохом, попал в засаду корсиканских вольтижеров.^[8] Он яростно отстреливался и в конце концов сумел спастись от погони, прячась за уступы скал. Но он не намного опередил солдат: рана не позволила ему добежать до *маки*.

Он подошел к Фортунато и спросил:

– Ты сын Маттео Фальконе?

– Да.

– Я Джаннетто Санпьери. За мной гонятся желтые воротники.^[9]

Спрячь меня, я не могу больше идти.

– А что скажет отец, если я спрячу тебя без его разрешения?

– Он скажет, что ты хорошо сделал.

– Как знать!

– Спрячь меня скорее, они идут сюда!

– Подожди, пока вернется отец.

– Ждать? Проклятие! Да они будут здесь через пять минут. Ну же, спрячь меня скорее, а не то я убью тебя!

Фортунато ответил ему с полным хладнокровием:

– Ружье твоё разряжено, а в твоей *carchera*^[10] нет больше патронов.

– При мне кинжал.

– Где тебе угнаться за мной!

Одним прыжком он очутился вне опасности.

– Нет, ты не сын Маттео Фальконе! Неужели ты позволишь, чтобы меня схватили возле твоего дома?

Это, видимо, подействовало на мальчика.

– А что ты мне дашь, если я спрячу тебя? – спросил он, приближаясь.

Бандит пошарил в кожаной сумке, висевшей у него на поясе, и вынул оттуда пятифранковую монету, которую он, вероятно, припрятал, чтобы купить пороху. Фортунато улыбнулся при виде серебряной монеты; он схватил ее и сказал Джаннетто:

– Не бойся ничего.

Тотчас же он сделал большое углубление в копне сена, стоявшей возле дома. Джаннетто свернулся в нем клубком, и мальчик прикрыл его сеном так, чтобы воздух проникал туда и ему было чем дышать. Никому бы и в голову не пришло, что в копне кто-то спрятан. Кроме того, с хитростью дикаря он придумал еще одну уловку. Он притащил кошку с котятами и положил ее на сено, чтобы казалось, будто его давно уже не ворошили.

Потом, заметив следы крови на тропинке у дома, он тщательно засыпал их землей и снова как ни в чем не бывало растянулся на солнцепеке.

Несколько минут спустя шестеро стрелков в коричневой форме с желтыми воротниками под командой сержанта уже стояли перед домом Маттео. Этот сержант приходился дальним родственником Фальконе. (Известно, что на Корсике более чем где-либо считаются родством.) Его звали Теодоро Гамба. Это был очень деятельный человек, гроза бандитов, которых он переловил немало.

– Здорово, племянничек! – сказал он, подходя к Фортунато. – Как ты вырос! Не проходил ли тут кто-нибудь сейчас?

– Ну, дядя, я еще не такой большой, как вы! – ответил мальчик с простодушным видом.

– Подрастешь! Ну, говори же: тут никто не проходил?

– Проходил ли здесь кто-нибудь?

– Да, человек в остроконечной бархатной шапке и в куртке, расшитой красным и желтым.

– Человек в остроконечной бархатной шапке и куртке, расшитой красным и желтым?

– Да. Отвечай скорей и не повторяй моих вопросов.

– Сегодня утром мимо нас проехал священник на своей лошади Пьеро. Он спросил, как поживает отец, и я ответил ему...

– Ах, шельмец! Ты хитришь! Отвечай скорей, куда девался Джаннетто, мы его ищем. Он прошел по этой тропинке, я в этом уверен.

– Почему я знаю?

– Почему ты знаешь? А я вот знаю, что ты его видел.

– Разве видишь прохожих, когда спишь?

– Ты не спал, плут! Выстрелы разбудили тебя.

– Вы думаете, дядюшка, что ваши ружья так громко стреляют? Отцовский карабин стреляет куда громче.

– Черт бы тебя побрал, проклятое отродье! Я уверен, что ты видел Джаннетто. Может быть, даже спрятал его. Ребята! Входите в дом, поищите там нашего беглеца. Он ковылял на одной лапе, а у этого мерзавца слишком много здравого смысла, чтобы попытаться дойти до маки хромя. Да и следы крови кончаются здесь.

– А что скажет отец? – спросил Фортунато насмешливо. – Что он скажет, когда узнает, что без него входили в наш дом?

– Мошенник! – сказал Гамба, хватая его за ухо. – Стоит мне только захотеть, и ты запоешь по-иному! Следует, пожалуй, дать тебе десятка два ударов саблей плашмя, чтобы ты наконец заговорил.

А Фортунато продолжал посмеиваться.

– Мой отец – Маттео Фальконе! – сказал он значительно.

– Знаешь ли ты, плутишка, что я могу увезти тебя в Кортэ^[11] или в Бастию,^[12] бросить в тюрьму на солому, заковать в кандалы и отрубить голову, если ты не скажешь, где Джаннетто Санпьеро?

Мальчик расхохотался, услышав такую смешную угрозу. Он повторил:

– Мой отец – Маттео Фальконе.

– Сержант! – тихо сказал один из вольтижеров. – Не надо ссориться с Маттео.

Гамба был явно в затруднении. Он вполголоса переговаривался с солдатами, которые успели уже осмотреть весь дом. Это заняло не так много времени, потому что жилище корсиканца состоит из одной квадратной комнаты. Стол, скамейки, сундуки, домашняя утварь и охотничьи принадлежности – вот и вся его обстановка. Маленький Фортунато гладил тем временем кошку и, казалось, ехидствовал над замешательством вольтижеров и дядюшки.

Один из солдат подошел к копне сена. Он увидел кошку и, небрежно ткнув штыком в сено, пожал плечами, как бы сознавая, что такая предосторожность нелепа. Ничто не пошевелилось, лицо мальчика не выразило ни малейшего волнения.

Сержант и его отряд теряли терпение; они уже поглядывали на равнину, как бы собираясь вернуться туда, откуда пришли, но тут их начальник, убедившись, что угрозы не производят никакого впечатления на сына Фальконе, решил сделать последнюю попытку и испытать силу ласки и подкупа.

– Племянник! – проговорил он. – Ты, кажется, славный мальчик. Ты пойдешь далеко. Но, черт побери, ты ведешь со мной дурную игру, и, если б не боязнь огорчить моего брата Маттео, я увел бы тебя с собой.

– Еще чего!

– Но когда Маттео вернется, я расскажу ему все как было, и за твою ложь он хорошенько выпорот тебя.

– Посмотрим!

– Вот увидишь... Но слушай: будь умником, и я тебе что-то дам.

– А я, дядюшка, дам вам совет: если вы будете медлить, Джаннетто уйдет в *маки*, и тогда потребуется еще несколько таких молодчиков, как вы, чтобы его догнать.

Сержант вытащил из кармана серебряные часы, которые стоили добрых десять экю, и, заметив, что глаза маленького Фортунато загорелись

при виде их, сказал ему, держа часы на весу за конец стальной цепочки:

– Плутиска! Тебе бы, наверно, хотелось носить на груди такие часы, ты прогуливался бы по улицам Порто-Веккьо гордо, как павлин, и когда прохожие спрашивали бы у тебя: «Который час?» – ты отвечал бы: «Поглядите на мои часы».

– Когда я вырасту, мой дядя капрал подарит мне часы.

– Да, но у сына твоего дяди уже есть часы... правда, не такие красивые, как эти... а ведь он моложе тебя.

Мальчик вздохнул.

– Ну что ж, хочешь ты получить эти часы, племянничек?

Фортунаато, искоса поглядывавший на часы, походил на кота, которому подносят целого цыпленка. Чувствуя, что его дразнят, он не решается запустить в него когти, время от времени отводит глаза, чтобы устоять против соблазна, поминутно облизывается и всем своим видом словно говорит хозяину: «Как жестока ваша шутка!»

Однако сержант Гамба, казалось, и впрямь решил подарить ему часы. Фортунаато не протянул руки за ними, он сказал ему с горькой усмешкой:

– Зачем вы смеетесь надо мной?^[13]

– Ей-богу, не смеюсь. Скажи только, где Джаннетто, и часы твои.

Фортунаато недоверчиво улыбнулся, его черные глаза впились в глаза сержанта, он старался прочесть в них, насколько можно верить его словам.

– Пусть с меня снимут эполеты, – вскричал сержант, – если ты не получишь за это часы! Солдаты будут свидетелями, что я не откажусь от своих слов.

Говоря так, он все ближе и ближе подносил часы к Фортунаато, почти касаясь ими бледной щеки мальчика. Лицо Фортунаато явно отражало вспыхнувшую в его душе борьбу между страстным желанием получить часы и долгом гостеприимства. Его голая грудь тяжело вздымалась – казалось, он сейчас задохнется. А часы покачивались перед ним, вертелись, то и дело задевая кончик его носа. Наконец Фортунаато нерешительно потянулся к часам, пальцы правой руки коснулись их, часы легли на его ладонь, хотя сержант все еще не выпускал из рук цепочку... Голубой циферблат... Ярко начищенная крышка... Она огнем горит на солнце... Искушение было слишком велико.

Фортунаато поднял левую руку и указал большим пальцем через плечо на копну сена, к которой он прислонился. Сержант сразу понял его. Он отпустил конец цепочки, и Фортунаато почувствовал себя единственным обладателем часов. Он вскочил стремительнее лани и отбежал на десять шагов от копны, которую вольтижеры принялись тотчас же раскидывать.

Сено зашевелилось, и окровавленный человек с кинжалом в руке вылез из копны; он попытался стать на ноги, но запекшаяся рана не позволила ему этого. Он упал. Сержант бросился на него и вырвал кинжал. Его сейчас же связали по рукам и ногам, несмотря на сопротивление.

Лежа на земле, скрученный, как вязанка хвороста, Джаннетто повернул голову к Фортунато, который подошел к нему.

– ...сын! – сказал он скорее презрительно, чем гневно.

Мальчик бросил ему серебряную монету, которую получил от него, – он сознавал, что уже не имеет на нее права, – но преступник, казалось, не обратил на это никакого внимания. С полным хладнокровием он сказал сержанту:

– Дорогой Гамба! Я не могу идти; вам придется нести меня до города.

– Ты только что бежал быстрее козы, – возразил жестокий победитель. – Но будь спокоен: от радости, что ты наконец попался мне в руки, я бы пронес тебя на собственной спине целую милю, не чувствуя усталости. Впрочем, приятель, мы сделаем для тебя носилки из веток и твоего плаща, а на ферме Кресполи найдем лошадей.

– Ладно, – молвил пленник, – прибавьте только немного соломы на носилки, чтобы мне было удобнее.

Пока вольтижеры были заняты – кто приготовлением носилок из ветвей каштана, кто перевязкой раны Джаннетто, – на повороте тропинки, ведущей в *маки*, вдруг появились Маттео Фальконе и его жена. Женщина с трудом шла, согнувшись под тяжестью огромного мешка с каштанами, в то время как муж шагал налегке с одним ружьем в руках, а другим – за спиной, ибо никакая ноша, кроме оружия, недостойна мужчины.

При виде солдат Маттео прежде всего подумал, что они пришли его арестовать. Откуда такая мысль? Разве у Маттео были какие-нибудь нелады с властями? Нет, имя его пользовалось доброй славой. Он был, что называется, благонамеренным обывателем, но в то же время корсиканцем и горцем, а кто из корсиканцев-горцев, хорошенько порывшись в памяти, не найдет у себя в прошлом какого-нибудь грешка: ружейного выстрела, удара кинжалом или тому подобного пустячка? Совесть Маттео была чище, чем у кого-либо, ибо вот уже десять лет, как он не направлял дула своего ружья на человека, но все же он был настороже и приготовился стойко защищаться, если это понадобится.

– Жена! – сказал он Джузеппе. – Положи мешок и будь наготове.

Она тотчас же повиновалась. Он передал ей ружье, которое висело у него за спиной и могло ему помешать. Второе ружье он взял на прицел и стал медленно приближаться к дому, держась ближе к деревьям,

окаймлявшим дорогу, готовый при малейшем враждебном действии укрыться за самый толстый ствол, откуда он мог бы стрелять из-за прикрытия. Джузеппа шла за ним следом, держа второе ружье и патронташ. Долг хорошей жены – во время боя заряжать ружье для своего мужа.

Сержанту тоже стало как-то не по себе, когда он увидел медленно приближавшегося Маттео с ружьем наготове и пальцем на курке.

«А что, – подумал он, – если Маттео – родственник или друг Джаннетто и захочет его защищать? Тогда двое из нас наверняка получат пули двух его ружей, как письма с почты. Ну, а если он прицелится в меня, несмотря на наше родство?..»

Наконец он принял смелое решение – пойти навстречу Маттео и, как старому знакомому, рассказать ему обо всем случившемся. Однако короткое расстояние, отделявшее его от Маттео, показалось ему ужасно длинным.

– Эй, приятель! – закричал он. – Как поживаешь, дружище? Это я, Гамба, твой родственник!

Маттео, не говоря ни слова, остановился; пока сержант говорил, он медленно поднимал дуло ружья так, что оно оказалось направленным в небо в тот момент, когда сержант приблизился.

– Добрый день, брат! – сказал сержант, протягивая ему руку. – Давненько мы не виделись.

– Добрый день, брат!^[14]

– Я зашел мимоходом поздороваться с тобой и с сестрицей Пеппой. Сегодня мы сделали изрядный конец, но у нас слишком знатная добыча, и мы не можем жаловаться на усталость. Мы только что накрыли Джаннетто Санпьери.

– Слава Богу! – вскричала Джузеппа. – На прошлой неделе он увел у нас дойную козу.

Эти слова обрадовали Гамбу.

– Бедняга! – отозвался Маттео. – Он был голоден!

– Этот негодяй защищался как лев, – продолжал сержант, слегка раздосадованный. – Он убил одного моего стрелка и раздробил руку капралу Шардону; ну, да это беда невелика: ведь Шардон – француз... А потом он так хорошо спрятался, что сам дьявол не сыскал бы его. Если бы не мой племянник Фортунато, я никогда бы его не нашел.

– Фортунато? – вскричал Маттео.

– Фортунато? – повторила Джузеппа.

– Да! Джаннетто спрятался вон в той копне сена, но племянник раскрыл его хитрость. Я расскажу об этом его дяде капралу, и тот пришлет

ему в награду хороший подарок. А я упомяну и его, и тебя в донесении на имя прокурора.

– Проклятие! – чуть слышно произнес Маттео.

Они подошли к отряду. Джаннетто лежал на носилках, его собирались унести. Увидав Маттео рядом с Гамбой, он как-то странно усмехнулся, а потом, повернувшись лицом к дому, плюнул на порог и сказал:

– Дом предателя!

Только человек, обреченный на смерть, мог осмелиться назвать Фальконе предателем. Удар кинжала немедленно отплатил бы за оскорбление, и такой удар не пришлось бы повторять.

Однако Маттео поднес только руку ко лбу, как человек, убитый горем.

Фортунато, увидев отца, ушел в дом. Вскоре он снова появился с миской молока в руках и, опустив глаза, протянул ее Джаннетто.

– Прочь от меня! – громовым голосом закричал арестованный.

Затем, обернувшись к одному из вольтижеров, он промолвил:

– Товарищ! Дай мне напиться.

Солдат подал ему флягу, и бандит отпил воду, поднесенную рукой человека, с которым он только что обменялся выстрелами. Потом он попросил не скручивать ему руки за спиной, а связать их крестом на груди.

– Я люблю лежать удобно, – сказал он.

Его просьбу с готовностью исполнили; затем сержант подал знак к выступлению, простился с Маттео и, не получив ответа, быстрым шагом двинулся к равнине.

Прошло около десяти минут, а Маттео все молчал. Мальчик тревожно поглядывал то на мать, то на отца, который, опираясь на ружье, смотрел на сына с выражением сдержанного гнева.

– Хорошо начинаешь! – сказал наконец Маттео голосом спокойным, но страшным для тех, кто знал этого человека.

– Отец! – вскричал мальчик; глаза его наполнились слезами, он сделал шаг вперед, как бы собираясь упасть перед ним на колени.

Но Маттео закричал:

– Прочь!

И мальчик, рыдая, остановился неподвижно в нескольких шагах от отца.

Подошла Джузеппа. Ей бросилась в глаза цепочка от часов, конец которой торчал из-под рубашки Фортунато.

– Кто дал тебе эти часы? – спросила она строго.

– Дядя сержант.

Фальконе выхватил часы и, с силой швырнув о камень, разбил их

вдребезги.

– Жена! – сказал он. – Мой ли это ребенок?

Смуглые щеки Джузеппы стали краснее кирпича.

– Опомнись, Маттео! Подумай, кому ты это говоришь!

– Значит, этот ребенок первый в нашем роду стал предателем.

Рыдания и всхлипывания Фортунато усилились, а Фальконе по-прежнему не сводил с него своих рысьих глаз. Наконец он стукнул прикладом о землю и, вскинув ружье на плечо, пошел по дороге в *маки*, приказав Фортунато следовать за ним. Мальчик повиновался.

Джузеппа бросилась к Маттео и схватила его за руку.

– Ведь это твой сын! – вскрикнула она дрожащим голосом, впиваясь черными глазами в глаза мужа и словно пытаясь прочесть то, что творилось в его душе.

– Оставь меня, – сказал Маттео. – Я его отец!

Джузеппа поцеловала сына и, плача, вернулась в дом. Она бросилась на колени перед образом Богородицы и стала горячо молиться. Между тем Фальконе, пройдя шагов двести по тропинке, спустился в небольшой овраг. Попробовав землю прикладом, он убедился, что земля рыхлая и что копать ее будет легко. Место показалось ему пригодным для исполнения его замысла.

– Фортунато! Стань у того большого камня.

Исполнив его приказание, Фортунато упал на колени.

– Молись!

– Отец! Отец! Не убивай меня!

– Молись! – повторил Маттео грозно.

Запинаясь и плача, мальчик прочитал «Отче наш» и «Верую». Отец в конце каждой молитвы твердо произносил «аминь».

– Больше ты не знаешь молитв?

– Отец! Я знаю еще «Богородицу» и литанию, которой научила меня тетя.

– Она очень длинная... Ну все равно, читай.

Литанию мальчик договорил совсем беззвучно.

– Ты кончил?

– Отец, пощади! Прости меня! Я никогда больше не буду! Я попрошу дядю капрала, чтобы Джаннетто помиловали!

Он лепетал еще что-то; Маттео вскинул ружье и, прицелившись, сказал:

– Да простит тебя Бог!

Фортунато сделал отчаянное усилие, чтобы встать и припасть к ногам

отца, но не успел. Маттео выстрелил, и мальчик упал мертвый.

Даже не взглянув на труп, Маттео пошел по тропинке к дому за лопатой, чтобы закопать сына. Не успел он пройти и нескольких шагов, как увидел Джузеппу: она бежала, встревоженная выстрелом.

– Что ты сделал?! – воскликнула она.

– Свершил правосудие.

– Где он?

– В овраге. Я сейчас похороню его. Он умер христианином. Я закажу по нем панихиду. Надо сказать зятю, Теодору Бьянки, чтобы он переехал к нам жить.

---

notes

СНОСКИ

Порто-Веккьо – город и порт на юго-восточном побережье Корсики.

Муфлоны – порода диких баранов, более крупных, чем домашние, и с более грубой шерстью.

Pilone (κορσικ.).

Когда в 18... году я посетил Корсику... – в действительности Мериме, работая над новеллой, еще ни разу не был на Корсике; он посетил этот остров лишь в сентябре 1839 года (о чем он рассказал в «Заметках о путешествии по Корсике», 1840).

«Счастливчик» (*ит.*).

Капралами прежде назывались предводители, которых выбирали корсиканские коммуны, восставшие против феодальных сеньоров. В настоящее время так иногда называют человека, который благодаря своим владениям, связям и обширной клиентуре пользуется влиянием и обладает своего рода судебной властью в *pieve*, то есть в кантоне. По старинному обычаю корсиканцы делятся на пять сословий: дворяне (из них одни – *magnifici*, другие – *signori*), *caporali*, граждане, плебеи и чужестранцы.

Бандит – здесь: скрывающийся преступник.

Вольтижеры – отряды стрелков, с недавнего времени набираемые правительством для того, чтобы они заодно с жандармами помогали полиции.

В то время вольтижеры носили коричневые мундиры с желтыми воротниками.

10

Кожаный пояс, заменяющий патронташ и сумку.

Корте – город в центре Корсики.

Бастия – город и порт на северо-восточном побережье Корсики.

Perchu te с..? (um., груб.). – Делая эту сноску, Мериме подчеркивает, что Фортунато употребил куда более резкое выражение. – *Примеч. ред.*

Buon giorno, fratello – обычное приветствие у корсиканцев.